

DOI: 10.31857/S0321039124040055

РОЛЬ ПТИЦ В МИФЕ О РЕМЕ И РОМУЛЕ

А. В. Мосолкин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: mosolkin@mail.ru

ORCID: 0009-0004-1314-3673

На основании письменных и иконографических источников в статье рассматриваются упоминания птиц — чаще всего дятла — в мифе о Реме и Ромуле. Присутствие дятла в рассказе о близнецах является, по-видимому, избыточным. Самое раннее появление птиц в мифе имело, вероятно, авгуральное значение, которое со временем было либо забыто, либо потеряло свой смысл, а сам дятел стал птицей Марса.

Ключевые слова: Рем, Ромул, основание Рима, дятел, рагга, иконография

THE ROLE OF BIRDS IN THE MYTH OF REMUS AND ROMULUS

Alexei V. Mosolkin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: mosolkin@mail.ru

The article examines mentions of birds — mostly the woodpecker — in the myth of Remus and Romulus according to literary and iconographic sources. The presence of the woodpecker in the story is apparently redundant. The first appearance of birds in this myth probably had an augural meaning, which over time was either forgotten or lost its sense, and the woodpecker itself became the bird of Mars.

Keywords: Remus, Romulus, foundation of Rome, woodpecker, *parra*, iconographic studies

Данные об авторе. Алексей Владиславович Мосолкин — кандидат исторических наук, доцент кафедры древних языков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

С этой темой я выступил на семинаре «Суббота и Аристофан» (5 мая 2023 г.), который проходит в стенах исторического факультета МГУ. Хочу принести слова искренней благодарности участникам семинара — студентам, аспирантам и преподавателям МГУ, а также моим оппонентам на том вечере — д.и.н. А.М. Сморгкову и доц. Т. Кишбали. Работа эта была бы много хуже, если бы не помощь моей жены Ю.Е. Краснобаевой, которая взяла на себя труд внимательно вычитать и «вычистить» всю статью.

Согласно некоторым источникам, в знаменитом сюжете о спасении Рема и Ромула действует пара животных. Это волчица и дятел. На первый взгляд, роль их очевидна и оправдана: они вскармливают близнецов и тем самым спасают их от смерти. Кроме этого, являясь животными, связанными с Марсом¹, они показывают, что именно бог войны является отцом детей и он их не забыл.

В том, что дятел появляется в разных мифах у разных народов, нет ничего удивительного. Во-первых, эта птица широко распространена. Разные ее виды населяют почти все регионы Земли, кроме Мадагаскара, Ирландии, многих островов Океании и Австралии, а также территорий, где отсутствуют леса — Северная Африка, Гималаи и проч.² Несколько видов дятла заселяли и заселяют до сих пор Италию и Грецию. В греческом языке существует несколько терминов для обозначения дятлов. Аристотель называет эту птицу общим словом *δρυοκόλαπτης*, а также *κελεός*, *πιλώ* и *κνιπολόγος* (*Hist. an.* 593. 3–14; 610. 9; 614. 4–6, 34–17). У Аристофана в «Птицах» (*Av.* 884, 1155) мы встречаем *τελεγκᾶς* (от глагола *τελεγκᾶω*, «обрубать»)³. Греческие авторы того дятла, которые упоминается в мифе о Реме и Ромуле, называют только как *δρυοκόλαπτης*, что является самым общим обозначением дятла⁴. Во-вторых, сама по себе птица, обитающая в Италии, очень эффектная. У одной из них, *picus viridis*, кроме броской внешности — зеленая спинка, красная макушка головы — еще громкий голос, а также ни с чем не сравнимый и издавелека слышимый стук: удар мощным клювом по дереву⁵. Таким образом, дятла легко можно услышать и увидеть в самых разных регионах Земли.

Вовсе не удивительно, что дятел в мифах — персонаж частый, многогранный, многофункциональный во многих ипостасях. Вписать его в одну сюжетную линию невозможно. Его название в разных языках становится именем разнообразных персонажей: Пик в римской мифологии (*Val. Ant.* F 8. Cornell), балтийские боги Пикулс и Пеколс (происходят от общего корня *reik-*, связанного с лат.

¹ Вопреки расхожему мнению, ни волк, ни дятел, вероятно, не являлись священными животными Марса. Культа этих животных в Риме, по-видимому, не существовало. Овидий называет птицу «Марсов дятел» (*Martia picus avis*), что не подразумевает священности (*Fasti* III. 37–38; 53–54). Священным дятла называет Плутарх (*ἱερὸς δ' ὄρνις Ἰαρέως*), но это слишком зыбкое и слишком позднее основание (*De fort. Rom.* 8; *Aetia Rom. et Gr.* 21; автор *Origo gentis Romanae* туманно говорит, что эти животные находились под покровительством Марса — *lupum picumque Martiae tutelae esse*; *Origo gentis Romanae* 20. 4). Следует поэтому говорить более аккуратно: животные Марса. О том, что волк не был священным животным см. Smorchkov 2024.

² Winkler *et al.* 1995, 14.

³ Capponi 1979, 419–420; Arnott 2007, 39–40 (*Dryokolaptes*), 89 (*Keleos*), 194 (*Pikos*), 195 (*Pipo*).

⁴ Arnott 2007, 39 (*Dryokolaptes*). Происходит от греческих слов *δρῦς* («дуб, дерево») и *κολοῦω* («обрубать, обрезать»), что соответствует английскому woodpecker («долбящий дерево») и русскому «дятел» (имеет общую основу с глаголом «долбить». См. Vasmer 1986, s. v. дятел). Этимология латинского *picus*, от которого происходит ит. *picchio*, неясна. Возможно, есть связь с санскр. *pikāh*, «кукушка». Отмечу, что *picus* и *pica* обозначают не самца и самку внутри одного вида, но разных птиц. Ср. с русским «ворон» и «ворона». См. Ernout, Meillet 1939, 766 s. v. *pica*.

⁵ Winkler *et al.* 1995, 148 (*Eurasian Green Woodpecker Picus viridis*). Ср. с французским *pivert*, что означает «зеленый дятел».

picus)⁶, греческий царь Келей (κελεός)⁷. Нужно отметить, что мне не удалось найти примеры в греческой и римской мифологии (за исключением случая с Ремом и Ромулом), где дятел был бы связан с близнецами, хотя, возможно, такая связь в европейской мифологии существовала⁸. В качестве примера приведу старое английское выражение: *she has had Martin's hammer knocking at her wicket* («молоток Мартина постучал в ее калитку»), которое употребляли в адрес женщин, родивших двойню. Вероятно, под птицей Мартина следует понимать дятла⁹.

Однако не слишком ли много в мифе о Реме и Ромуле животных, которые играют одинаковую роль, нет ли здесь сюжетной избыточности? Если волчица вскармливает близнецов молоком (приемлемое питание для новорожденных), то зачем им ягоды, которые приносит птица? Согласно Аристотелю, дятел питается личинками и червяками, что не могло быть изысканным лакомством для царских детей¹⁰. Зачем создатели мифа упомянули птицу, если они уже указали на Марса с помощью волчицы, которая в качестве кормилицы и защитницы гораздо более представительна? Или они собрали их по принципу, что кормильцев и животных Марса много не бывает?

В мифах Греции и Италии были сюжеты о том, как ребенка или двоих детей вскармливает одно животное. Например, Каписа, основателя Капуи, Эгиста, Антилока, а также близнецов Филакида и Филандра вскормила олениха. Телефа вскормила коза. Ликаста и Паррасия – волчица. Эола и Беота – корова. Париса и Аталанту – медведица. Иама – два змея, которые кормили его медом. Мелитея – пчела¹¹. Роль дятла в мифе о Реме и Ромуле явно избыточна. Однако птица наравне с волчицей прижилась в мифе и стала широко известной в европейской культуре. В качестве примера приведу картину Рубенса «Ромул и Рем», которая находится в одном из залов Капитолийского музея в Риме (рис. 1).

Вопреки расхожему мнению, птица – воспользуемся пока общим понятием – в сохранившихся текстах о рождении Рема и Ромула упоминается не так часто – восемь раз (всего же в корпусе текстов в издании «*La leggenda di Roma*» представлено 29 фрагментов, где говорится о кормлении детей, II В 1–29). Рассмотрим все эти восемь свидетельств¹².

⁶ Krappe 1941, 245.

⁷ См. Pollard 1948, 360.

⁸ Краппе в 1941 г. (Krappe 1941, 251) высказал крайне интересную мысль, что дятел в разных районах и разных местах связан с близнецами. Однако, к сожалению, это предположение базируется на шатких свидетельствах, и я не буду их отдельно разбирать (Келей и Мероп – для греческой мифологии). Это и вынуждает меня поместить опровержение такого важного положения в сноску.

⁹ Halliwell-Phillips 1847, 543 s. v. Martin's hammer; Krappe 1941, 247.

¹⁰ Arist. 8. 43–44 = 614b. 11–13. Хотя Плиний, к сожалению, ничего конкретного не говорит о том, чем питается дятел (*percussi corticis sono pabulum subesse intellegunt* – *NH.* X. 40), мы можем заключить, что здесь речь идет о какой-то пище, которую птицы достают из-под коры. В реальности дятел питается еще фруктами, ягодами и семенами, хотя и реже. О питании дятлов: Winkler *et al.* 1995, 22, 367 (только о *picus viridis*). См. также Carponi 1979, 421. Хотя для мифа, разумеется, такое буквальное понимание было несвойственно.

¹¹ Carandini 2006b, 322.

¹² В своем повествовании я буду следовать за источниками, а не выстраивать источники вокруг своей идеи. Возможно, это затруднит чтение, однако лучше выявит напластование

1) Самое раннее упоминание птицы — дятла — мы встречаем в «Фастах» Овидия. Здесь дятел называется Марсовой птицей, и он приносит детям пищу (III. 37–38; 53–54: *Martia picus avis* [...] *picum tulisse cibos*), т. е. выполняет двойную функцию.

После Овидия мы трижды встречаем дятла у Плутарха.

2) *Rom. IV. 2*: ἐνταῦθα [...] ἰστοροῦσι [...] δρυοκολάπτην τινὰ παρῆναι συνεκτρέφοντα καὶ φυλάττοντα, «рассказывают, что в это время присутствовал некий дятел, помогая [волчице] кормить [близнецов] и охраняя [их]».

3) *De fort. Rom. 8 = Mor. 320d*: ἱερὸς δ' ὄρνις Ἄρεως, ὃν δρυοκολάπτην καλοῦσιν, ἐπιφοιτῶν καὶ προσκαθίζων ἀκρώνυχος, ἐν μέρει τῶν νηπίων ἑκατέρου στόμα τῇ χηλῇ διοίγων, ἐνέτιθει ψώμισμα, τῆς αὐτοῦ τροφῆς ἀπομερίζων, «священная птица Ареса, которую называют дятлом, прибыв и едва присев возле, открывая рот каждого из детей по очереди когтем, вкладывала [им в рот] кусочки, отделяя от собственной пищи»¹³.

4) В *Quaest. Rom. et Gr. 21* Плутарх задается вопросом, почему латины почитают дятла и не делают ему ничего плохого (Διὰ τί τὸν δρυοκολάπτην οἱ Λατίνοι σέβονται, καὶ ἀλέχονται πάντες ἰσχυρῶς τοῦ ὄρνιθος;). Среди его ответов два относятся к нашей теме: 1. ἀλλὰ δρυοκολάπτης τις ἐπιφοιτῶν ἐψώμιζεν, «но прибывший некий дятел кормил [Рема и Ромула] мелкими кусочками», а также 2. ἢ μᾶλλον, ὥς ἄλλον ἄλλου θεοῦ, καὶ τοῦτον Ἄρεος ἱερὸν νομίζουσι τὸν ὄρνιν, «или, скорее, признают эту птицу священной птицей Марса, так как у каждого бога есть своя птица»¹⁴; а дальше Плутарх поясняет, что дятел посвящен Марсу, потому что это птица гордая и смелая, а еще из-за того, что у нее крепкий клюв (καὶ γὰρ

Рис. 1. Питер Пауль Рубенс. «Ромул и Рем», 1617–1618. Palazzo dei Conservatori, Рим

смыслов, которое формировалось вокруг мифа о близнецах в разные времена. Это должно лучше показать, что исследуемый миф со всеми его героями развивался не прямолинейно и равномерно: один персонаж появлялся, другой менял свой смысл, а третий из главного превращался в статиста. Все это могло происходить одновременно, напоминая сложный палимпсест, кое-где затертый до дыр.

¹³ Отмечу, что здесь дятел кормит детей своей собственной едой (τῆς αὐτοῦ τροφῆς), а не специально собранной. Иными словами, младенцы должны были получить, согласно вышеприведенному мнению Аристотеля, червяков и насекомых.

¹⁴ В этих двух фрагментах (*De fort. Rom. 8* и *Aetia Rom. et Gr. 21*) есть очевидное лексическое совпадение, что говорит, скорее, о самоцитировании, а не о внешнем заимствовании: ἱερὸς δ' ὄρνις Ἄρεως, ὃν δρυοκολάπτην καλοῦσιν, ἐπιφοιτῶν καὶ προσκαθίζων ἀκρώνυχος, ἐν μέρει τῶν νηπίων ἑκατέρου στόμα τῇ χηλῇ διοίγων, ἐνέτιθει ψώμισμα, τῆς αὐτοῦ τροφῆς ἀπομερίζων и ἀλλὰ δρυοκολάπτης τις ἐπιφοιτῶν ἐψώμιζεν [...] καὶ τοῦτον Ἄρεος ἱερὸν νομίζουσι τὸν ὄρνιν.

εὐθαρσῆς καὶ γαῦρός ἐστι καὶ τὸ ῥύγχος οὕτως ἔχει κραταῖον, ὥστε δρῦς ἀνατρέπειν, ὅταν κόπτων πρὸς τὴν ἐντεριώνην ἐξίκηται).

5) К Плутарху, вероятно, восходит, упоминание дятла, которое мы встречаем у Зонары (*Epit.* VII. 1: ἱστοροῦσι [...] καὶ ὄρνιν δρυοκόλαπτην παρεῖναι ταῦτα ψωμίζοντα καὶ φυλάττοντα, «рассказывают, что дятел присутствовал при этом, кормя [детей] кусочками пищи и охраняя [их]»).

6) Следующее упоминание дятла — в сочинении неизвестного автора *Origo gentis Romanae*, которое датируют от II до IV в. н.э.¹⁵ Не указывая источники, автор дополняет наиболее распространенную версию¹⁶ о спасении детей следующим образом (20. 4): addunt quidam [...] picum quoque advolasse et ore pleno cibum pueris ingessisse: inde videlicet lupum picumque Martiae tutelae esse — «некоторые добавляют [...], что также и дятел подлетел и в клюве принес детям еду; поэтому, очевидно, волк и дятел находятся под покровительством Марса». Вероятно, в источнике, который использовался до приведенной цитаты, птица не упоминалась. Автор излагает миф на основании этого источника, а затем, ссылаясь на неизвестный текст (addunt quidam), вводит дятла в сюжет о спасении близнецов (picum... advolasse... ingessisse). Потом следует загадочная фраза: inde *videlicet* (курсив мой. — А. М.) lupum picumque Martiae tutelae esse. Эта любопытная инверсия во всей литературе встречается, кажется, только здесь: волчица и дятел помогают детям *не потому*, что Марс отправил их на помощь; они помогли близнецам по своей воле, и *потому* Марс взял их под покровительство. Это очень необычное замечание. Как мы помним, Плутарх называет дятла Марсовой птицей, потому что это птица смелая и сильная и у нее сильный клюв (*Quaest. Rom. et Gr.* 21). Вероятно, автор *OGR* сам приходит к умозаключению, почему «волк и дятел находятся под покровительством Марса». Если это так, то по версии мифа, что приводит автор *OGR*, ни волчица, ни дятел не называются спасителями детей в качестве животных Марса. Ведь если автору потребовалось специальное объяснение (lupum picumque Martiae tutelae esse), то, скорее всего, его не было в источниках, которыми располагал сочинитель. Если бы в неназванном источнике было хоть какое-то толкование, то автор *OGR* скорее привел бы его, а не собственное объяснение, почему волчица и дятел стали животными, находившимися под покровительством Марса, которое столь противоречит всему преданию. Другими словами, в наиболее распространенном варианте мифа, который воспроизвел автор *OGR*, эти животные спасают детей по своей воле, а не потому, что их послал Марс.

В приведенных шести фрагментах о дятле говорится примерно одно и то же. Почти везде (за исключением особого варианта в *OGR*) дятел последовательно играет вместе с волчицей одну и ту же двойную роль: во-первых, он участвует в кормлении близнецов, а во-вторых, называясь Марсовой птицей, показывает, что бог Марс не бросил своих детей.

Пока, к сожалению, нельзя ответить на вопрос, кто «вставил» дятла в предание о близнецах. Самый ранний источник — это текст Овидия, но поэт мог опираться

¹⁵ II в. н. э.: D'Anna 1997, XXVII; IV в. н. э.: Richard 1983, 64–65.

¹⁶ В историографии часто используется выражение «каноническая версия мифа». На мой взгляд, это неудачное выражение. Что должно означать «каноническая версия»? Версия Ливия? Дионисия? Плутарха? Все они различаются между собою, иногда даже значительно.

на более раннее сочинение, которое он не называет и которое до нашего времени не сохранилось.

Заключительные два фрагмента значительно отличаются в отношении количества и вида птиц, а также их роли в мифе.

7) Если во всех рассмотренных случаях присутствие дятла кажется сюжетно избыточным, хоть и мифологически оправданным, то фрагмент из жизнеописания Ромула у Плутарха (Plut. *Rom.* II. 7) ставит нас перед новыми вопросами. Здесь писатель пересказывает, вероятно, этрусский вариант истории о Реме и Ромуле, где братья (впрочем, Плутарх не называет их имен) родились от соития рабыни с фаллосом, восставшим из огня. Некий Терабий отнес новорожденных детей к берегу реки, где их вскормила волчица, спас пастух и проч. В этом месте Плутарх говорит о разных птицах, которые приносили детям кусочки еды — ὄρνιθας δὲ παντοδαποὺς ψωμίσματα κομίζοντας ἐντιθέναι τοῖς βρέφεσιν, «разнообразные птицы приносили кусочки еды и клали детям в рот». Биограф приписывает этот необычный вариант предания некоему писателю Проматиону, жизнь которого исследователи относят к периоду от V (Мадзарино) до I в. до н. э. (Габба)¹⁷. Первая часть рассказа Проматиона (рождение близнецов от фаллоса) настолько не совпадает с общепринятой версией, что Амполо назвал ее «еретической»¹⁸. Вторая же часть, напротив, почти целиком совпадает с самыми распространенными версиями древних авторов.

Как объяснить, что в рассказе Плутарха присутствуют два столь разных пласта? На мой взгляд, здесь возможны два варианта. Либо эти пласты уже были в сообщении Проматиона и Плутарх точно пересказал текст. Тогда, вслед за Габбой, следует признать, что Проматион жил в I в. до н. э., когда в рамках римского предания уже сложился рассказ о близнецах. Либо в сочинении Проматиона был только первый рассказ, а Плутарх добавил окончание по распространенному варианту мифа¹⁹. В таком случае жизнь Проматиона нужно отнести к тому времени, когда римский вариант мифа еще не был «канонизирован», значит он мог жить в V в. до н. э., как это пытался доказать Мадзарино.

Собственно говоря, для нашей задачи совсем неважно, когда жил Проматион. Гораздо важнее, что научная интуиция — и пока, к сожалению, только она — подсказывает, что в основе рассказа лежит архаическое предание, к которому был присоединен более поздний сюжет о спасении детей. Кто сплавил эти две части воедино, нам сейчас не столь существенно. Мы можем предположить, что в самой ранней, вероятно, этрусской версии — с рабыней, фаллосом, прорицалищем и проч. — волчица и птицы не упоминались, они появились только во второй, более поздней части рассказа.

Историческая добросовестность Плутарха вызывает большие сомнения. Нельзя утверждать, что он точно цитировал Проматиона. Плутарх вполне мог добавить

¹⁷ Mazzarino 1966, 196–198 (V в. до н. э.); Gabba 2000, 33–35 (I в. до н. э.).

¹⁸ Ampolo, Manfredini 1988, 274.

¹⁹ Пусэ утверждал, что за «большими фрагментами», которые приводил Плутарх с упоминанием своих источников, не стоит искать точности цитирования. Греческий автор вполне был волен изменять текст, с которым он работал, не уведомляя читателя об этих изменениях. См. Poucet 1976, 210–216.

или убрать детали и украсить текст, сообразуясь с собственными намерениями или прихотью. Однако если мы все же доверяем свидетельству греческого писателя и признаем, что весь фрагмент — это пересказ сочинения Проматиона без каких-либо вставок, то это, по-видимому, одно из самых ранних и самых необычных упоминаний птиц в сцене спасения детей. Ведь если в тексте Проматиона «отцом» близнецов назван фаллос, то птицы, которые вскармливают детей, не могут указывать на незримое присутствие Марса. Более того, в тексте сказано, что птицы «разнообразные», значит, все они не могут быть птицами Марса — мы не знаем других птиц этого бога, помимо дятла.

Присутствие разнообразных птиц в описании Проматиона совершенно загадочно. Это единственный из сохранившихся вариантов истории, где птицы кормят детей, но не указывают на отца.

8) Наконец, последнее, восьмое, упоминание о птицах мы встречаем у Сервия, комментатора «Энеиды». Комментируя *Aen. I. 273*, он пишет: lupa de vicinis montibus venit et ubera praestitit. Sed cum eos Faustus pastor eius loci animadvertisset nutriri a fera et picum parvamque circumvolitare, suspicatus divinae originis subolem ad Accam Laurentiam uxorem [...] pueros detulit, «волчица сошла с соседних гор и поднесла сосцы. Но после того, как Фаустул, пастух этого места, увидел, что их [близнецов] кормит дикое животное, а вокруг летают дятел и рагга, он понял, что дети имеют божественное происхождение, и передал мальчиков жене Акке Ларенции».

Идентифицировать птицу рагга, которую упоминает Сервий, сейчас вряд ли возможно. Каппони, автор словаря, посвященного птицам в античности, справедливо полагает, что в указанном тексте и некоторых других, где упоминается рагга, слишком общие описания, чтобы можно было дать точное биологическое определение²⁰.

Итак, у нас теперь две птицы — *picus* и *рагга* — и роль их в сцене с близнецами становится совсем непонятной. Если в предыдущих версиях дятел участвовал в сюжете и указывал на Марса, то для чего появляется рагга? Если про волчицу Сервий пишет, что она накормила детей, то птицы здесь просто облетают место действия (*circumvolitare*), не принося близнецам никакой практической пользы. В тексте Сервия птицы детей не кормят, не наблюдают за ними, не символизируют бога Марса (так как их две), а всего-навсего для чего-то летают вокруг. Комментатор «Энеиды» говорит, что Фаустул догадался о божественном происхождении детей по кружащим вокруг *picus* и *рагга*, но что в этом божественного? Таким образом птицы в тексте Сервия или в источнике играют совсем иную роль, чем в первых шести фрагментах. Возникает впечатление, что Сервий знал о связи дятла с Марсом, но в своем источнике он ее не обнаруживает и пытается толковать присутствие птиц иным способом. Отметим, что в основе текстов Сервия и Проматиона лежит, вероятно, один источник или скажем более широко — одна идея: оба автора пишут о птицах разного рода (*ὄρνιθας παντοδαπούς*), среди которых, разумеется, могли быть *picus* и *рагга*.

²⁰ Capponi 1979, 382. Были сделаны многие попытки определить, что это за птица. На русском языке см. Solopov 1990, 24–25.

Мы исчерпали древние тексты, в которых упоминается связь между птицей/птицами и близнецами²¹. Если древние авторы объясняют присутствие одной птицы, то присутствие нескольких не получило в древности никакого толкования. Попытаемся ответить на этот вопрос.

К счастью, мы располагаем письменными источниками, где непосредственно соседствуют *picus* и *parra*, хотя совсем в ином литературном контексте, не имеющем никакого отношения к римской легенде. Я скажу о четырех таких источниках.

1) Авгуральное искусство римлян различало два типа птиц: *aves oscines* (вещие птицы, которые кричали) и *aves alites* (те, которые летали вокруг). Фест, ссылаясь на Аппия Клавдия, друга Цицерона, говорит, что *picus* и *parra* относятся и к той, и к другой группе (Fest. 214 L): «Аппий Клавдий говорит, что *вещими* птицами являются те, которые производят знамение криком, как, например, ворон, ворона, сыч; *крылатыми* же те, которые производят знамение крыльями и полетом, как сарыч, орлан-белохвост, сокол и коршун; дятлы же, феронийский и марсов²², а также *parra* считаются как *вещими*, так и *крылатыми*»²³. Очевидный вывод: *aves alites* — это птицы, которых для гадания нужно было *увидеть*. *Aves oscines* же могли быть вообще не видны, их достаточно было *услышать*. Однако *picus* и *parra* — это птицы, которых при гадании можно было как слышать, так и видеть.

Обращает на себя внимание фраза про феронийского и Марсова дятла (*picī autem Martius Feroniusque*). Речь идет о двух дятлах: один связан с Марсом, другой — с богиней Феронией²⁴. Вероятно, это были два разных вида дятла, который являлся птицей как Марса, так и Феронии. Но сочетание этих двух птиц требует особого исследования.

2) Ноний Марцелл сохранил короткую фразу Гигина, хотя и вне контекста: *est parra Vestae, picus Martis*, «*parra* — это птица Весты, а дятел — птица Марса». На первый взгляд, фраза Гигина позволяет объяснить присутствие *parra* и *picus* в мифе о близнецах: ведь богиня Веста, которой служила Рея Сильвия, мать Рема и Ромула, и бог Марс играли в этом мифе первостепенную роль. Однако я полагаю, что такое толкование неверно²⁵. Чтобы это понять, мы позднее обратимся к иконографии сюжета.

²¹ Римские предания включали в себя еще одного «дятла» — древнего царя Альбы Лонги Пика, сына Сатурна. Вопреки подозрительному сходству имени, этот царь, вероятно, никакого отношения к мифу о Ромуле и Реме не имеет. По мнению Брелика, латинский Пик вообще не оказал какого-либо влияния на римский культ. Согласно Сервию и Августину, этот царь был знаменитым авгуром (Serv. *Aen.* VII. 190; Aug. *De civ.* 18.15). Это говорит об авгуральной значимости дятла (Сервий говорит, что Пик добывал знания о будущем через дятла, которого держал дома), но не о связи с мифом о Реме и Ромуле. См. Brelich 2010, 85–86; Briquel 2018, 107.

²² Фест — единственный из древних авторов, кто называет два этих типа дятлов. Каппони делает попытку определить, что это были за виды дятлов (*Picus viridis pronus* — это феронийский дятел, а *Dryobates major italiae* — это Марсов дятел. См. Capponi 1979, 423–424). Но номенклатурная точность нам сейчас не важна.

²³ *Oscines aves* Ap. Claudius esse ait, quae ore canentes faciant auspicium, ut corvus, cornix, noctua: alites, quae alis ac volatu; ut buteo, sanqualis, aquila, inmusulus, vulturius: picī autem Martius Feroniusque et parra et in oscinibus, et in alitibus habentur.

²⁴ Nash 1988, 132–133.

²⁵ Именно так считает д'Алессиньо: Carandini 2006a. Противоположное суждение у Брикеля: Briquel 2018, 105, n. 118.

3) У Плавта в комедии «Ослы» раб Либан совершает ауспиции и говорит следующее (*Asin.* 259–261):

impetritum, inauguratumst: quovis admittunt aves,
picus et cornix ab laeva, corvos, parra ab dextera
consuadent.

Хорошее предзнаменование и гадание по полету птиц: любому [направлению] птицы сулят успех,
дятел и ворона — слева [от наблюдателя], ворон и рага — справа [от наблюдателя]
настойчиво советуют.

Плавт далее описывает комическую ситуацию, когда Либан слышит дятла, но дятел не кричит, а стучит по дереву, и раб не может понять, стоит ли стук считать добрым предзнаменованием.

Плавт утверждает, что его пьеса — это перевод греческой комедии Демофила (*Marcus vortit barbare* — *Asin.* 11), однако комедиограф позволял себе иногда отклоняться от оригинала и упоминал исконно римские обычаи. Хотя еще у греков был детально разработан ритуал для гадания по различным птицам, включая полет и крик, но нам неизвестны греческие обряды, где упоминались бы дятлы²⁶. Это, разумеется, не значит — учитывая высокую распространенность этой птицы, — что гадатели не принимали дятлов в расчет.

4) В Игувинских таблицах (III—I вв. до н. э.) упоминается птица *parfa*, которую исследователь таблиц Девото соотнес с *parra* и определил как зеленого дятла (VIa): *este persclo aueis aseriatier enetu, parfa curnașe dersua, peiqu peica merstu* (questa cerimonia la si iniziî con l'osservazione degli uccelli, il picchio verde e la cornacchia da occidente, oppure il picchio e la gazza da oriente)²⁷. Анчиллотти и Черри, авторы

последнего комментированного издания Игувинских таблиц, полагают, что под *parfa* следует понимать удода (ирира). К такому заключению они приходят на двух основаниях. Во-первых, на венецианском наречии до сих пор удода называется *paruzza*, а во-вторых, наряду с дятлами, сороками и воронами, удода распространены в Умбрии²⁸.

Мы видим, что у Плавта и в Игувинских таблицах появление птиц поразительным образом совпадает (рис. 2): дятел (*picus*) прилетает (как *avis ales*) или издает звук (как *avis oscen*) слева, а *parra* — справа.

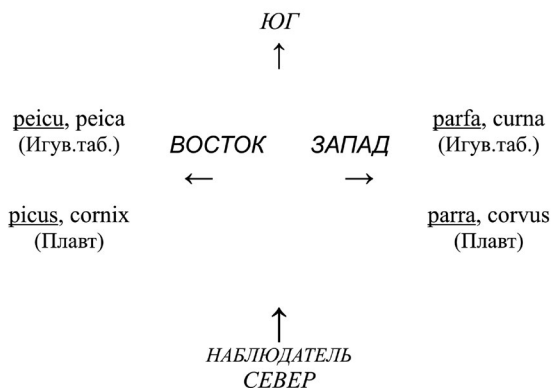

Рис. 2. Появление птиц во время гаданий. Рисунок: А. В. Мосолкин

²⁶ Dillon 2017, 150–152; Green 2023, 47.

²⁷ «Церемония начинается с наблюдения за птицами, зеленый дятел и ворона — с запада; дятел и сорока — с востока». См. Devoto 1974, 29, 75–77.

²⁸ См. Ancillotti, Cerri 2023, s. v. *parfa*.

Вряд ли совпадение между столь разными источниками случайно. Обряды, которые упоминаются в Игувинских таблицах, записанных в III—I вв. до н.э., вероятно, гораздо более древние, чем сами таблицы. Но говорить о происхождении обрядов и точном времени их возникновения пока очень сложно. Мы можем утверждать, что вряд ли Плавт был знаком с предписаниями Игувинских законов, а составитель таблиц был всегдатаем римской сцены. Чуть позднее мы еще раз столкнемся с тем же порядком птиц, где *picus* располагается слева, а *rauca* — справа от наблюдателя.

Рис. 3. Зеркало из Больсены. По: Dardenay 2010, 34

В 1975 г. вышла статья Лиз и Пьера Бринд'Амур, которые на основании текстов высказали предположение, что птиц следует рассматривать именно с точки зрения авгуральной практики римлян²⁹. Птицы должны были символизировать успешное начинание и грядущую славу.

Расположение римских авгуров при гадании было связано со сторонами света. Однако древние авторы сохранили сразу два возможных варианта: либо авгуры обращались лицом к югу, либо к востоку³⁰. Девото, а затем Поултни обосновали точку зрения, что в Игувинских таблицах ориентация была южная, т.е. расположение птиц следует рассматривать лицом к югу³¹. Поэтому первая пара птиц, дятел и ворона, должна была подать знак с востока: либо прилететь, и это нужно было увидеть, либо что-то крикнуть, и это нужно было услышать, вторая же пара — подать знак с запада. Такое расположение птиц, согласно Плавту, считалось благоприятным.

Эта теория получает подтверждение и в римской иконографии.

1) Зеркало из Больсены, которое относят к третьей четверти IV в. до н.э. Не буду останавливаться на композиции зеркала, где в центре изображены младенцы, которых вскармливает волчица. Перед нами не каноничный сюжет мифа. Обратим внимание на двух птиц, которые расположены в верхней части сцены (рис. 3).

Справа четко видна сова, а слева — хищная птица, вроде орла или сокола, которую трудно определить. Изображение этих двух птиц одновременно приводит

²⁹ Brind'Amour L., Brind'Amour P. 1975, 22–25. Именно в этой статье была высказана идея об авгуральности птиц, однако идея эта — на более скромном литературном материале и при полном отсутствии иконографического — помещена в рамках совсем иной концепции, чем та которую я высказываю здесь. См. Briquel 1976, 37–40; 2018, 105–108.

³⁰ См. Podossinov 1999, 247–249 (с указанием источников).

³¹ Ориентация на юг и на восток была обусловлена, вероятно, присутствием двух людей во время наблюдения за птицами. И люди эти смотрели в разные стороны. Это хорошо видно у Ливия, где царь обращен к югу, а авгур — к востоку (Liv. I. 18. 6–7). Вероятно, два действующих лица, которые совершали обряда, описанные в Игувинских таблицах, также смотрели в разные стороны. Один — это жрец (*adfertor*), а второй — некий официал, который назван *roeī angla aseriatō eest*, «тот, кто пришел наблюдать за вестниками». Обращение на юг во время птицегадания исследователи обосновывают на основании топографии, а также этимологии. См. Poultney 1959, 229–231; Devoto 1974, 16, 75–77.

Рис. 4. Керамический медальон из Кампаний, 230 г. до н. э. По: Dardenay 2012, 83

Рис. 5. Бронзовый квадранс, 205–195 гг. до н. э. По: Parisi Presicce 2000, 46

в недоумение. Дело в том, что встреча их в реальности необычна, так как сова — птица ночная, а второй хищник, кто бы он ни был, — дневная. Поэтому вряд ли они здесь показаны в их естественной природной ипостаси. Тем не менее есть большой соблазн увидеть в птице слева — *pisus*, а в той, что справа — *raga*. Так как сова идентифицируется достаточно хорошо на изображении, то можно предположить, что именно здесь *raga* и есть сова.

2) Примерно к 230 г. до н. э. относится керамический медальон из Кампаний, представляющий целую серию сходных изображений (рис. 4)³². В центре композиции мы видим волчицу, кормящую детей, а над ней — ветку *ficus Ruminalis*, где расположились две птицы, которые смотрят в противоположные стороны. К сожалению, мы не можем определить, что это за птицы, однако сделаем два замечания. Во-первых, судя по размерам, это разные птицы³³. Во-вторых, здесь нет совы, которая выделялась бы особенной посадкой. Тем самым, можно предположить, что медальон был создан в русле иного мифа, чем зеркало из Больсены.

3) Бронзовый квадрант 205–195 гг. до н. э., отчеканенный на юге Италии (рис. 5). На лицевой стороне — волчица, на оборотной — орел, который держит либо гроздь винограда, либо цветок с четырьмя лепестками. Трудно сказать, имел ли орел какое-либо отношение к спасению детей. Изображения на лицевой и оборотной стороне могли быть связаны между собой, но не обязательно настолько буквально³⁴. Тем самым мы видим самый ранний пример изображения орла, которое позднее, уже в императорское время, получит наибольшее распространение³⁵.

4) Денарий С. Помпея Фостла, 137 г. до н. э. (рис. 6). На нем изображено дерево — очевидно, *ficus Ruminalis*, — в ветвях которого мы видим трех птиц³⁶. Монета отчеканена представителем рода Помпеев, считавших своим прародителем легендарного Фаустула, который изображен на монете. Можно предположить, что три

³² Dulière 1979, 67–75; Dardenay 2012, 82–84.

³³ На этом решительно настаивает Брикель: Briquel 2018, 103.

³⁴ Alföldi 1965, 277–278; Dulière 1979, 77, M6; Briquel 2018, 103.

³⁵ Поскольку, очевидно, что орел не имеет связи с мифом о близнецах, то изображения с этой птицей я рассматривать не буду.

³⁶ Small 1988, 131–132, n. 7.

птицы соответствуют трем человеческим персонажам, Ромулу, Рему и Фаустулу, и сулят каждому из них благополучие.

5) Вероятно, одним из первых изображений с одной птицей, которая сидит в ветвях *figus Ruminalis*, является инталия, которую датируют от III в. до последней трети II в. до н. э. (рис. 7)³⁷. В центре изображена волчица, которая кормит двоих детей. Слева от группы — пастух Фаустул, справа — достаточно загадочная голова в шлеме, которую определяют по-разному. Одни — как голову Марса, другие — как голову богини Ромы, третьи — как голову Ола, *caput Oli* (Dion. Hal. *RA*. IV. 59–61; Liv. I. 55; Plin. *NH*. 28. 15; Varro *LL*. V. 41; Serv. *Ad Aen*. VIII. 345; Arnob. 6.7)³⁸. Наконец, над волчицей мы видим *figus Ruminalis*; в ветвях сидит одна птица, контуры которой столь неопределенны, что ее трудно идентифицировать. На мой взгляд, убедительна датировка, которую предложила Дардене — последняя треть II в. до н. э., так как инталия развивает иконографию, уже представленную на денарии Помпея Фостла 137 г. до н. э.

6) Денарий, так называемый *augurium Romuli*, 115–90 гг. до н. э. (рис. 8). Здесь представлена сидящая богиня Рома. Рядом с ней изображены две птицы, в которых видят то ли коршуна, то ли ворона либо какую-либо другую врановую птицу³⁹.

Соблазнительно свести воедино письменные и изобразительные источники. Сюжет зеркала из Больсены, на первый взгляд, хорошо согласуется с сообщениями Плавта и Игувинских таблиц. Гораздо хуже дело обстоит с тем, что бы соотносить с зеркалом фразу Гигина, сохраненную Нонием Марцеллом. Хотя,

Рис. 6. Денарий Сек. Помпея Фостла, 137 г. до н. э. По: Dardenay 2012, 85

Рис. 7. Инталия, III — последняя треть II в. до н. э. По: Dardenay 2012, 86

Рис. 8. Денарий *augurium Romuli*, 115–90 гг. до н. э. По: Dardenay 2012, 89

³⁷ Dardenay 2012, 86–87.

³⁸ Furtwängler 1900, 243; Dulière 1979, 81–84; Dardenay 2012, 86–87.

³⁹ См. Dardenay 2012, 111–112. При Веспасиане была отчеканена золотая монета, на оборотной стороне которой был воспроизведен сюжет с *augurium Romuli*. Но в отличие от оригинала здесь птиц можно определить точнее: хищник. См. Dardenay 2010, 111–112.

по утверждению этого автора, *picus* — это птица Марса, а *raga* — птица Весты, для художника такая связь, по-видимому, никакой роли не играла. Дело в том, что при значительном разнообразии толкований никто из исследователей не видит на зеркале ни Марса⁴⁰, ни Весты (если только птицы не были своего рода замещением богов). Если это так, то, следовательно, на зеркале распадается связь между *picus* и Марсом, а также *raga* и Вестой, на чем настаивал Гигин.

Обратим внимание на любопытный нюанс. Когда древние авторы упоминают дятла, который вскормил детей и является Марсовой птицей, то он всегда один (Ovid. *Fasti* III. 37–38, 53–54; Plut. *Rom.* 4. 2, etc.). Если же, как у Плутарха и Сервия, упоминаются несколько птиц, то подразумевается их видовое разнообразие, а не множество птиц внутри одного вида (Plut. *Rom.* II. 7; Serv. *Aen.* I. 273)⁴¹. Можем ли мы сделать вывод, что изображения на монетах и медальонах нескольких птиц также подразумевает их видовое различие, хотя выглядят они одинаково, как, например, на денарии Помпея Фостла, где их даже три, или на денарии *augurium Romuli*? Этот вопрос пока остается без ответа.

Отмечу еще, что в текстах Плавта, Гигина, Феста и в Игувинских таблицах пара птиц *picus* и *raga* рассматривается только по линии «справа — слева». Мы можем допустить, что если тот же принцип закреплен на зеркале из Больсены и на медальоне из Кампании, где представлена пара разных птиц, то здесь птицы также имеют авгуральное значение.

Трудно сказать, играл ли дятел особенную авгуральную роль среди птиц. Изображения дятла вне предания о Реме и Ромуле более редкие, что обусловлено распространением самого мифа, кроме того, эту птицу вне контекста гораздо труднее идентифицировать⁴². Мне известны два таких изображения.

Первое из них происходит из Этрурии. Как известно, этруски славились своим умением читать будущее по птицам. Но, к сожалению, наши немногочисленные знания об этруском искусстве мало что могут сказать в отношении исследуемой темы. В качестве одного из немногочисленных примеров упомяну фреску из «могилы Франсуа» (IV в. до н. э.). На фреске изображен заказчик, Вел Сатий (Vel Saties) (рис. 9). Он показан в одежде, на которой изображены сцены сражения. Римским соответствием одежды Вела Сатия является *toga picta*, в которую облачались римские триумфаторы. На голове — лавровый венок. Справа мы видим, вероятно, карлика по имени *Agiza*, выполняющего роль помощника, который в левой руке держит птицу, привязанную шпагатом к его правой руке. Перо Масса утверждает, что это дятел (*picus Martius*), Коарелли более осторожен

⁴⁰ Категоричное утверждение: Dardenay 2012, 79.

⁴¹ В этом отношении Рубенс, изобразив трех птиц одного рода, шел явно не в античном русле.

⁴² То, что римские художники обращали специальное внимание на видовое разнообразие птиц, говорят многочисленные сохранившиеся изображения. См., например, мозаику из Никеи (II в. н. э.), где изображены зеленая шурка (*Merops supercilliosus*), павлин (*Pavo cristatus*), угод (*Uropygia*) и султанка (*Porphyrio porphyrio*), а также фрески из Помпей и Геркуланума, где представлены самые разные виды птиц. См. Mazzoleni, Pappalardo 2004. Хочу поблагодарить Т. Кишбали за то, что обратил мое внимание на мозаику из Никеи.

и не называет вид птицы⁴³. Непонятно, для чего нужна была птица: либо карлик собирался ее отпустить, чтобы затем наблюдать за ее полетом, либо же, напротив, используя ее в качестве приманки, привлечь постороннюю птицу-самца, по направлению полету которого понять будущее⁴⁴. В любом случае мы сталкиваемся с загадкой: Вел Сатий представлен уже в одежде триумфатора, но совершает обряд ауспий, который должен быть совершен до начала битвы.

Второе изображение с дятлом относится уже к Риму (рис. 10). Это несколько гемм, которые датируют примерно 200–100 гг. до н.э.⁴⁵ Справа⁴⁶ мы видим обнаженного, по-видимому, воина, на голове у него шлем, а в правой руке он держит продолговатый щит. Слева, перед воином, на верхушке колонны, сидит птица. Столб обвивает змея, а у основания столба расположено животное, по-видимому, овца, которую уже принесли или собираются принести в жертву. Воин обращается к птице, очевидно, за оракулом.

Это изображение поразительным образом напоминает прорицалище Марса из Тиоры Матиены, о котором сообщает Дионисий Галикарнасский (*RA. I. 14. 5*, пер. И.Л. Маяк): «Сообщают, что в ней [Тиоре Матиене] имелось очень древнее прорицалище Марса. А по характеру это прорицалище, как говорят, было близко известному по преданиям и существовавшему у додонцев. Только передавали, что в Додоне пророчествует голубь, сидящий на священном дубе; у аборигенов то же самое делала посланная богом птица, появляющаяся на деревянном

Рис. 9. Фреска из «могилы Франсуа», IV в. до н.э. По: Coarelli 2011, 170

Рис. 10. Гемма, 200–100 гг. до н.э. По: Furtwängler 1900, 119 (10)

⁴³ См. Pairault Massa 1992, 122–124; Coarelli 2011, 170.

⁴⁴ Coarelli 2011, 170.

⁴⁵ Furtwängler 1900, 119 (10). Геммы достаточно сходные. Одна из них имеет надпись РОΤΙΤΙ. Согласно Харрис, в 1912 г. она хранилась в Берлинском музее. См. Harris 1916, 101. Дальнейшая судьба геммы мне неизвестна.

⁴⁶ Ориентация по самой гемме, а не по отпечатку с нее.

Рис. 11. Мраморный рельеф из Ареццо. I в. до н. э. — I в. н. э. Фото: А. В. Мосолкин

Рис. 12. Ауреус, 77–78 гг. н. э. По: Parisi Presicce 2000, 49

ми. Можно предположить, что Овидий знал о присутствии птицы/птиц в сюжете о Реме и Ромуле, но не мог его объяснить. Именно поэтому Овидий придает дятлу новую функцию. Вместо вестника блестящего будущего Рима тот оказывается Марсовой птицей.

столбе, которую они называют “пик”, а эллины на своем языке дятлом»⁴⁷.

Как бы ни привлекательно было это сопоставление, однако, на мой взгляд, здесь имеются некоторые нестыковки. К сожалению, мои сомнения не «тяжелые», а количественные, тем не менее их стоит привести. Во-первых, Дионисий говорит о древнем святилище (πάνυ ἄρχαϊον), которое, вероятно, в его время уже не существовало. Во всяком случае, он его не видел. Трудно сказать, если принять раннюю датировку геммы около 200 года до н. э., было ли это время (т. е. примерно за двести лет до написания «Римских древностей») для Дионисия древним. Во-вторых, если Дионисий говорит, что святилище принадлежало аборигенам, то стал ли бы мастер, чье происхождение нам неизвестно, вырезать святилище местных жителей, не-римлян?

Таким образом, мы видим, что изображение дятла вне контекста легенды о Реме и Ромуле фактически не встречаются.

Наконец, важно не только присутствие птиц, но и их полное отсутствие, что не может не бросаться в глаза. В качестве примера приведу мраморный рельеф из Ареццо (I в. до н. э. — I в. н. э.) (рис. 11) и фреску из дома Фабия в Помпеях (I в. н. э.). Можно предположить, что рубеж II—I вв. до н. э. — это время, когда птицы уже, по-видимому, утратили «авгуральность» в глазах художников и стали непонятными и избыточными.

⁴⁷ [Τίώρα δὲ ἀπὸ τριακοσίων, ἢ καλουμένη Ματιήν]. ἐν ταύτῃ λέγεται χρηστήριον Ἄρεος γενέσθαι πάνυ ἀρχαῖον. ὁ δὲ τρόπος αὐτοῦ παραπλήσιος ἦν ὡς φασι τῷ παρὰ Δωδωναίοις μυθολογουμένῳ ποτὲ γενέσθαι· πλὴν ὅσον ἐκεῖ μὲν ἐπὶ δρυὸς ἱερᾶς <πέλεια> καθεζομένη θεοσπιφδεῖν ἐλέγετο, παρὰ δὲ τοῖς Ἀβοριγῖσι θεόπεμπτος ὄρνις, ὃν αὐτοὶ μὲν πίκον, Ἕλληνες δὲ δρυοκολάπτην καλοῦσιν, ἐπὶ κίονος ξυλίνου φαινόμενος τὸ αὐτὸ ἔδρα.

Вероятно, с начала I в. до н. э., художники перестают создавать новые изображения с птицами, хотя продолжают копировать старые образы. Например, при Веспасиане и некоторых других императорах чеканился ауреус, оборотная сторона которого воспроизводила *augurium Romuli* (рис. 12). Однако с I в. до н. э. дятла, птицу Марса, на известных нам изображениях чаще всего замещает орел, птица Юпитера. Самые первые образцы — это геммы и алтарные памятники (рис. 13, 14)⁴⁸.

После I в. до н. э. изображения двух птиц надолго исчезают из нашего поля зрения. К концу II в. н. э. относится рельеф из города Авентик (совр. Аванш, Швейцария) (рис. 15). По сторонам от кормящей волчицы изображены деревья. В ветвях того дерева, что слева, изображено гнездо с птенцами. На том дереве, что справа, видна птица, в которой исследователи распознают сову (рис. 16)⁴⁹. Перед каждым деревом сидит еще по одной птице. Расположение совы — если это, конечно, она — с правой стороны чрезвычайно интересно. Вряд ли это простое совпадение с текстами Плавта и Игувинских таблиц. Поэтому можно утверждать, что во II в. мастер скопировал ранний образец, не давая себе отчет в его значении.

Наконец, последний раз (рис. 17) мы встречаем разных птиц на изображении в гораздо более позднюю эпоху — в центральной части (74 × 59 см) мозаичного мраморного пола IV в. н. э., обнаруженного в Бовиллах, а ныне принадлежавшего коллекции Колонны в Риме (*opus sectile Colonna*). В ветвях дерева справа сидит, вероятно, гриф⁵⁰. Предположу,

Рис. 13. Гемма. По: Dulière 1979, 2, fig. 48

Рис. 14. Алтарь из Остии, 124 г. н. э. Фото: А.В. Мосолкин

⁴⁸ Dulière 1979, 123; Gasparri, Paris 2013, 88–89.

⁴⁹ Dulière 1979, 227, fig. 109; Briquel 2018, 103.

⁵⁰ Dulière 1979, 188–190, fig. 129; Small 1988, 130, n. 1; Carandini 2006b, fig. 11; Briquel 2018, 103.

Рис. 15. Рельеф из Аванша, конец II в. н. э. По: Parisi Presicce 2000, 41

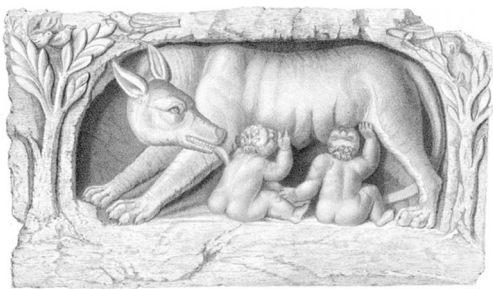

Рис. 16. Рельеф из Аванша, конец II в. н. э. По: Dulière 1979, 2, fig. 109

Рис. 17. Мозаичный мраморный пол из Бовилл, IV в. н. э. По: Dulière 1979, 2, fig. 129

что все три птицы относятся к разным сюжетам. Две птицы, сидящие на дереве, были скопированы и творчески переосмыслены с ранних образцов сцены Фауста с близнецами, а летящая птица справа относится уже к жертвеннику, хотя смысл ее не очень понятен.

ВЫВОД

Миф о Реме и Ромуле появился не сразу и не целиком. Вероятно, древнейшей его частью был сюжет о близнецах, которых вскормило хищное животное — волчица. Предположу, что время зарождения мифа — примерно VI—V вв. до н. э. Вероятно, позднее, примерно в IV в. до н. э., судя по изображению на зеркале из Больсены, в сцене о рождении близнецов появляются птицы, которые играют авгуальную роль — они предсказывают будущую удачу и славу Рему и Ромулу. Одной

из этих двух птиц был, вероятно, дятел. Роль нескольких птиц надолго осталась в римской иконографии и литературе – вероятно, вплоть до рубежа II и I вв. до н. э. На изобразительном материале не всегда можно понять изменение функций, которые приписывались дятлу, так как чрезвычайно сложно определить вид птицы, которую представил художник, а также сказать, с какой целью она была изображена. В литературных источниках дятел как животное Марса появляется впервые у Овидия. Нельзя сказать, был ли Овидий инициатором этого новшества, так как сохранность его источников, т. е. римской литературы II в. до н. э., весьма плачевна. Очень туманным выглядит переход от нескольких птиц к одной в сцене спасения близнецов. Не слишком понятно, почему Овидий предпочел дятла. Потому ли, что дятел был известен как птица Марса или по иной причине. Некоторые наши источники (Плутарх и *OGR*) позволяют нам предположить, что дятел стал птицей Марса уже впоследствии, после его укоренения в мифе о близнецах. Однако на сохранившихся изображениях мы часто видим орла, который, являясь птицей Юпитера, символизировал могущество римской власти и, таким образом, не имел отношения к мифу о Реме и Ромуле. Вероятно, со II в. н. э. начались антикварные поиски ранних вариантов мифа. Следы этих поисков мы встречаем у Плутарха, цитировавшего загадочного Проматиона, и у Сервия. Скульпторы и художники, вероятно, также находились в том же процессе поиска старого, о чем свидетельствуют рельеф из Аванша и *opus sectile* Colonna.

Вероятно, мы можем разделить удивление, охватившее антикваров II в. н. э., которые в древних текстах и на древних изображениях видели не одну птицу, а сразу нескольких и разных видов. И Плутарх и Сервий, очевидно, понимали, что разнообразие птиц не вписывается в конструкцию с богом Марсом. Писатели лишь беспомощно констатировали факт, что в их древних источниках птиц было много и они летали вокруг основного места действия, не принося толком никакой пользы. Марса здесь, очевидно, не было. Это антикваров притягивало и настораживало. Нужно было объяснить, почему там оказался дятел и почему он вообще стал птицей Марса⁵¹. Художники также, вероятно, не понимали смысла множества птиц и лишь копировали ранние варианты, не вдаваясь в их смысл. Связь с прошлым оказалась утерянной с того времени, когда бог Марс с I в. до н. э. восторжествовал в текстах и в изображениях.

Литература / References

- Alföldi, A. 1965: *Early Rome and the Latins*. Ann Arbor.
 Ampolo, C., Manfredini, M. (a cura di) 1988: *Plutarco. Le vite di Teseo e di Romolo*. Milano.
 Ancillotti, A., Cerri, R. 2023: *Le Tavole di Gubbio e l'Italia preromana*. Perugia.
 Arnott, W.G. 2007: *Birds in the Ancient World from A to Z*. London–New York.
 Brelich, A. 2010: *Tre variazioni romane sul tema delle origini*. Roma.
 Brind'Amour, L., Brind'Amour, P. 1975: Le dies lustricus, les oiseaux, de l'aurore et l'amphidromie. *Latomus* 34, 17–58.
 Briquel, D. 1976: L'oiseau omnia, la louve de Mars, la truie féconde. *Mélanges de l'École française de Rome. Antiquité* 88/1, 31–50.

⁵¹ Дюмезиль обращает внимание, что животные Марса – земные. Дятел является исключением из-за того, что он летает низко. Мне такое объяснение кажется неубедительным. См. Dumézil 1970, 209–210.

- Briquel, D. 2018: *Romulus, jumeau et roi. Réalités d'une légende*. Paris.
- Capponi, F. 1979: *Ornithologia Latina*. Genova.
- Carandini, A. (ed.) 2006a: *La leggenda di Roma*. Vol. I. *Dalla nascita dei gemelli alla fondazione della città*. Milano.
- Carandini, A. 2006b: *Remo e Romolo. Dai rioni dei Quiriti alla città dei Romani (775/750–700/675 a.C. circa)*. Torino.
- Coarelli, F. 2011: *Le origini di Roma*. Milano.
- D'Anna, G. (ed.) 1997: *Anonimo. Origine del popolo romano*. Milano.
- Dardenay, A. 2010: *Les mythes fondateurs de Rome: images et politique dans l'Occident romain*. Paris.
- Dardenay, A. 2012: *Images des fondateurs. D'Énée à Romulus*. Bordeaux.
- Devoto, G. 1974: *Le tavole di Gubbio*. Firenze.
- Dillon, M. 2017: *Omens and Oracles. Divination in Ancient Greece*. London–New York.
- Dulière, C. 1979: *Lupa Romana. Recherches d'iconographie et essai d'interprétation*. Vol. I–II. Bruxelles–Rome.
- Dumézil, G. 1970: *Archaic Roman Religion*. Vol. I–II. Baltimore–London.
- Ernout, A., Meillet, A. 1939: *Dictionnaire étymologique de la langue latine*. Paris.
- Furtwängler, A. 1900: *Die Antike Gemmen. Geschichte der Steinschneidekunst im Klassischen Altertum*. Bd. II. Berlin.
- Gabba, E. 2000: *Roma arcaica. Storia e storiografia*. Roma.
- Gasparri, C., Paris, R. (eds.) 2013: *Palazzo Massimo alle terme. Le collezioni*. Roma.
- Green, A. 2023: *Birds in Roman Life and Myth*. London–New York.
- Halliwell-Phillips, J.O. 1847: *A Dictionary of Archaic and Provincial Words, Obsolete Phrases, Proverbs and Ancient Customs from the Fourteenth Century*. London.
- Harris, R. 1916: *Picus Who Is Also Zeus*. Cambridge.
- Krappe, A.H. 1941: *Picus Who Is Also Zeus. Mnemosyne* 9/4, 241–257.
- Mazzarino, S. 1966: *Il pensiero storico classico*. Vol. 1. Roma–Bari.
- Mazzoleni, D., Pappalardo, U. 2004: *Fresques des villas romaines*. Paris.
- Nash, D.E.M. 1988: *Feronia. Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae* 4/1, 132–133.
- Pairault Massa, F.-H. 1992: *Iconologia e politica nell'Italia antica: Roma, Lazio, Etruria dal VII all Secolo a.C.* Milano.
- Parisi Presicce, C. 2000: *La lupa Capitolina*. Roma.
- Podossinov, A.V. 1999: *Ex oriente lux! Orientatsiya po stranam sveta v arkhaiskikh kul'turakh Evrazii [Ex oriente lux! Orientation on Cardinal Directions in Archaic Cultures of Eurasia]*. Moscow.
- Подосинов, А.В. *Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии*. М.
- Pollard, J.R.T. 1948: *The Birds of Aristophanes. A Source Book for Old Beliefs. American Journal of Philology* 69, 353–376.
- Poucet, J. 1976: *Fabius Pictor et Denys d'Halicarnasse: «Les enfances de Romulus et Rémus»*. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 25/2, 201–216.
- Poultney, J.W. 1959: *The Bronze Tables of Iguvium*. Baltimore–Oxford.
- Richard, J.-C. 1983: *Pseudo-Aurélius. Les origines du peuple romain. Texte établi, traduit et commenté*. Paris.
- Small, J.P. 1988: *Faustulus. Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae* 4/1, 130–132.
- Smorchkov, A.M. 2024: *[The Statue and the Cult: The Wolf/She-wolf in the Public Religion and Folk Beliefs of Ancient Rome]*. In: N.V. Bugaeva (ed.), *Carmina saecularia. Materialy konferentsii pamyati I.L. Mayak [Carmina saecularia. Proceedings of the Conference in memoriam of Iya Leonidovna Mayak]*. Moscow, 47–60.
- Сморчков, А.М. *Статуя и культ: волк/волчица в общественной религии и народных верованиях древнего Рима*. В сб.: Н.В. Бугаева (ред.), *Carmina saecularia. Материалы конференции памяти И.Л. Маяк*. М., 47–60.
- Solopov, A.I. 1990: *[About One of the Augur Birds (Meaning of the Word parra)]*. In: *Yazyki i kul'tury v antichnosti [The Languages and the Cultures in the Ancient World]*. Moscow, 24–25.
- Солопов, А.И. *Об одной из авгурских птиц (значение слова parra)*. В сб.: *Языки и культуры в античности*. М., 24–25.
- Vasmer, M. 1986: *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [The Etymological Dictionary of the Russian Language]*. Vol. I–IV. Moscow.
- Фасмер, М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1–4. М.
- Winkler, H., Christie, D.A., Nurney, D. 1995: *Woodpeckers. A Guide to the Woodpeckers of the World*. New York.